

— Ладно, не будем, — Цзин легко согласился:

— Ешь.

Они молча ели друг напротив друга. Чжинин хотел было завести разговор с новым коллегой, чтобы наладить отношения, но боялся, что тот снова что-нибудь выпалит, и не решился рискнуть. На полпути к еде его телефон на столе завибрировал — наверное, Бай Лишэн ответил на сообщение.

Чжинин, учитывая, что напротив сидел Цзин, не стал открывать сообщение и отвечать.

Через некоторое время Цзин снова заговорил:

— Ты не ешь картошку, зачем взял?

Чжинин:

— Там имбирь, я не заметил, когда брал.

Цзин:

— Просто выбери его.

— Если вынуть, вкус имбиря все равно останется.

Цзин, похоже, не совсем понимал, некоторое время смотрел на нетронутую картошку и произнес:

— Расточительство.

...

Женская тюрьма, расположенная на окраине города Б, издали выглядела как несколько зданий, выросших посреди бескрайней пустынной земли. Высокие серые стены и железные заборы создавали ощущение отчаяния, отрезанного от мира. Ветер свободы обходил это место стороной, а оторванные от тел души издавали беззвучные крики.

— Заключение номер 1547670, Вэй Шэннань, выходи, к тебе посетитель.

В строю женщина с мутными, тусклыми глазами оцепенело посмотрела на охранника у двери. Ее бледные, обветренные губы дрогнули, и она недоверчиво повторила:

— Кто?

Охранник нетерпеливо помахал ей:

— Ты, не мешкай, иди за мной.

Коридор, ведущий в зону для посетителей, был всегда холодным и тесным. Узкое железное окно на потолке скупо пропускало несколько лучей солнечного света. Эти крошечные проблески тепла, принадлежащие миру живых, танцевали на ее плечах, словно путеводные звезды на мрачном пути, ведущие к надежде. Впереди ее мог ждать кто-то из родных, а может, незнакомец, с которым она никогда не встречалась.

Охранник привел Вэй Шэннань к кабинке для посетителей. Она сжалась, словно боясь света, и посмотрела на источник освещения. Там стоял крепкий мужчина средних лет. Ее мутные глаза сделали полуоборот, зрачки расширились, затем сузились, и она отступила на два шага, испуганно покачав головой:

— Я... я его не знаю.

Холодный голос охранника прозвучал рядом:

— Ты можешь отказаться от встречи. Решай, я могу сразу отвести тебя обратно.

Вэй Шэннань колебалась, как вдруг мужчина снаружи приблизился и сильно постучал по стеклу. Ее внимание привлеклось, и она увидела, как он медленно произносит по слогам:

— Вэй Чжинин.

В конференц-зале на третьем этаже отеля «Лицзин» во время дневного чтения сценария съемочной группы «Полночного рассвета» возникла небольшая заминка. Причиной стало желание Шэн Синьюэ добавить сцену.

В оригинальном сценарии у наркобарона Кан Хуайкуня был подчиненный по прозвищу Младший брат, чье настоящее имя было Чжан Цзюнь. Во время одной из операций он столкнулся с пограничной полицией, после чего привязал к своему телу взрывчатку и погиб вместе с тремя наркополицейскими. Из-за жестокости и резонанса этого случая полиция опубликовала информацию о преступнике для всеобщего сведения. Когда новости дошли до его родной деревни, его жена Лян Цянь стала объектом насмешек и оскорблений со стороны соседей. Три месяца спустя младший брат наркобарона, Кан Цань, нашел Лян Цянь и хотел отдать ей деньги, которые он скопил, подрабатывая. Однако он обнаружил, что она хромает, а на теле видны следы побоев. Он настоял на том, чтобы отвести ее в деревенскую клинику, но, естественно, врач отказался их принять.

Стоя у закрытой двери клиники, Кан Цань спросил Лян Цянь, почему она не переедет в другое место. Лян Цянь ответила, что теперь все знают, что ее муж — преступник, и куда бы она ни пошла, будет то же самое.

На этом оригинальный диалог заканчивался, но Шэн Синьюэ настаивала на добавлении нескольких реплик Лян Цянь о природе добра и зла.

— Сяонин, — помощник режиссера, плотно сидящий в кресле, улыбался, как будто был Буддой:

— Что ты думаешь о том, что только что сказала Синьюэ?

Чжинин поднял голову от сценария и вежливо улыбнулся:

— У меня нет возражений, пусть будет так, как сказала учительница Шэн.

— ОК, — не дожидаясь реакции остальных, Синьюэ встала и взглядом дала понять Чжинину:

— Тогда давай сразу прорепетируем эту сцену, чтобы Янь Фэй мог увидеть результат и принять окончательное решение.

Чжинин, естественно, согласился, но только собрался встать, как его руку на столе придержал Шэньчжи, который холодно произнес:

— Я считаю, это нелогично.

Синьюэ, стоя напротив, с легкой улыбкой спросила:

— Старший брат, что именно тебе кажется нелогичным?

— Характер персонажа, — Шэньчжи отодвинул сценарий и, скрестив руки на груди, поднял подбородок, смотря Синьюэ в глаза:

— Лян Цянь — деревенская женщина, не умеющая читать. Зачем ей обсуждать с университетским студентом какие-то глубокие философские мысли о природе человека? Это же абсурд! Как зрители смогут связаться с персонажем? Ты действительно понимаешь, о чем думают такие люди из низов общества? Ее муж умер, она одна с ребенком, каждый день живет в страхе, соседи тычут в нее пальцами. В ее душе должна быть ненависть, даже искажение, а ты хочешь сделать из нее какую-то свободную богиню.

— Твое мнение слишком предвзято, — Синьюэ спокойно ответила:

— Женщина, вышедшая замуж за наркобарона, сама по себе заслуживает внимания. Она кажется обычной, но в то же время необычной. И почему маленький человек не может излучать свет?

Шэньчжи усмехнулся:

— Тогда давай снимем фильм о женщине, вышедшей замуж за наркобарона, в стиле архауса, с крупными планами и медленными движениями камеры. Ты сыграешь главную роль, ладно?

Синьюэ:

— Мне кажется, ты не против персонажа, а против меня.

После этих слов Шэньчжи не ответил, и атмосфера стала неловкой. Чжинин заметил, как Се Цзин напротив бросил на него взгляд, полный ожидания, и незаметно отвел глаза.

— Ладно, — медленно произнес Янь Фэй:

— Я возьму на себя роль плохого парня. Шэньчжи прав, эта сцена нелогична. Синьюэ, садись. Если есть замечания, обсудим их позже наедине.

Лицо Синьюэ изменилось, и в ее взгляде на Шэньчжи мелькнула тень обиды.

Чжинин, опустив глаза, смотрел на сценарий перед собой, ожидая, когда закончится этот спор между звездами.

— Перерыв на двадцать минут, — помощник режиссера выступил миротворцем, улыбаясь:

— Кто пойдет со мной покурить?

Янь Фэй махнул рукой:

— Я бросил полгода назад, не хочу срываться.

Помощник естественным образом посмотрел на Шэньчжи, и тот, встав, сказал:

— Пошли.

Слева от Чжинина встал пожилой актер, и когда оба места освободились, он достал телефон и тайком отправил Бай Лишэну сообщение с просьбой рассказать, какие разногласия были между Шэньчжи и Синьюэ.

За стеклом в зоне для посетителей Линь Жуй поднял трубку и, глядя на испуганное лицо женщины, спокойно сказал:

— Вэй Шэннань, не нервничай. Я друг Вэй Чжинина и хочу кое-что у тебя узнать.

В ее глазах читались робость и настороженность:

— Что именно?

Линь Жуй неторопливо продолжил:

— Вэй Шэннань, насколько я знаю, ты была осуждена на десять лет за непредумышленное убийство своего бывшего парня, некого Чжэна. Почему ты его убила? Из-за чувств? Или из-за денег?

Вэй Шэннань словно окатили холодной водой. Она вздрогнула, широко раскрыв глаза, и с тревогой спросила:

— Кто тебе это сказал? Чжинин?

Линь Жуй настаивал:

— Так почему же?

Она, испугавшись его выражения, пробормотала, словно во сне:

— Нет... не из-за чувств.

— Тогда из-за денег?

Ее рука, держащая трубку, сжалась, в глазах мелькнуло раскаяние, а затем она сникла. Ее худые пальцы вцепились в волосы у виска, и она, опустив голову, сдавленно прошептала:

— Да, можно так сказать.

— А во время ваших отношений с бывшим парнем Чжэном ты замечала у него склонность к насилию?

Авторское примечание:

Сегодня хочу поспать пораньше, так что выкладываю как есть.

Одинокий автор стучит по миске, прося звезд и комментариев, умоляя всеми способами 555...

<http://bllate.org/book/16173/1450420>